

Макет человека / рассказ

Category: Heкаýalar, Kitapcy

написано kitapcy | 24 января, 2025

Макет человека / рассказ МАКЕТ ЧЕЛОВЕКА

– Знаете, сколько стоит износ женского полового органа? – на полном серьезе спросил Антон Яровой.

Пятница. Друзья сидели в одном из баров Алматы, обсуждая все на свете, лишь бы не работу.

Друзья оторопели, потому что все бы ничего, но Антон – семейный человек. И, как говорит его бабушка, «исключительно воспитанный мальчик».

– Шестьдесят тысяч тенге стоит износ, – не дождавшись ответа от друзей, продолжил Антон и с удовольствием хрустнул ржаным сухарём.

– Недорого, можно всем своим бывшим долги раздать.

– Саня, ты прям не программист, а плейбой, – хохотнул Артем. – А Тоха – анатом, или как там? Анатомист?

– Износист, – передразнил друга Саня. – Тоха, ты где ставки-то выяснил, давай весь инсайд, чтобы сразу расценки знать.

– Переносил базу сегодня в медвузе. «Половой орган. Женский», «Половой орган. Мужской». Женский, кстати дешевле – шестьдесят тысяч тенге стоит, а мужской – восемьдесят, – не без гордости доложил Антон.

– Ну так, наш износостойкий, оттого и дорогой, – Артем удовлетворенно откинулся и неожиданно сильно бахнул пустой кружкой по столу. Проходящий мимо официант забрал кружку и кивнул на жест «повторить».

– Я одного не пойму, чего бы не написать «макет». Макет полового органа женского. Тэчэка. Макет – мужского...

– Зэпэтэ, – перебил Антона Саня. – Потому что мужской нельзя переносить без яиц. Без макета яиц.

– Я эти макеты, кстати, видел. Жуть вообще. Идешь по коридору мимо кабинета, а там в свете уличного фонаря на парте половина человека лежит. И половых органов – ни мужских, ни женских – нет.

– Так может это верхняя половина?

– Ты вот знаешь, я не анатомист, но ноги даже на макете – это нижняя. А половые органы, как раз там, где ноги.

– Не факт, у некоторых особей женские половые органы заместо головы, – Артем с удовольствием приложился к свежей кружке пива.

– Ты прям настоящий макет человека – заместо. Вместо! – поправил его Антон. – Там еще прикоп был. В номенклатуру кто-то внес вместо дефибриллятора, дефиблиатор.

– Блин, Тоха – остановись! Мне эти макеты сниться будут. Сегодня Юльке отдал часть зарплаты, скажу сразу, чтоб за износ вычла.

– Ты понимаешь, да, что теперь это износ у нас мемчиком локальным будет? Ты, Саня, Юльку не обижай. Тыщонку накинь сверху за амортизацию.

Пятница медленно текла холодным пивом в глотки парней и постепенно, по-осеннему быстро темнела. Шум пивного бара проглотил разговор, смешав его с голосами десятков людей, сидящих вокруг. Душно. Духота заставляла Антона периодически выходить на улицу и разбавлять углекислым газом свежий городской воздух. Свежим, конечно, его нельзя было назвать, но дышать-то хотелось. А главное, приходилось.

Здесь, у выхода, приходилось дышать еще и дымом от сигарет – Антон не курил, вдыхал с удовольствием, вспоминая собственные курящие годы. Временами он покупал пачку, зажигалку, но мужественно откладывал их на потом. Вроде как и не запрещает себе – вон, пачка лежит, бери кури, изнашивай орган. Такая доброта к самому себе позволяла держаться уже лет пять. Покупную пачку обычно скуривали друзья или отец, помогая Антону время от времени имитировать прелюдию курения.

Когда Антон вернулся к столику, друзья говорили уже о другом. Он попытался влиться в беседу, но почему-то не мог сконцентрироваться. Мысли расплывались, как и тело, ставшее вдруг тяжелым и неуклюжим. «Неужели от трёх кружек пива может так разморить», – подумал Антон и отключился.

– Ну ты даешь, приятель! – услышал Антон через мгновение. – Что завалился-то, макет человека?

– Сильно завалился, да?

– Ну нормально так, мы даже успели протрезветь. Хорошо у ребят, – Саня мотнул головой в сторону бара, – нашатырь был. Ты как?

– Да вроде ничего, слабость какая-то. Не от пива же, я думаю. Надо подышать. Воздухом. Свежим.

– Ну да, в Алматы только и дышать. Свеженьким... – усмехнулся Саня.

Антон вышел. Перед входом толпился народ – девушки в наброшенных на плечи осенних куртках. Те, что посчастливее – в наброшенных на плечи мужских пиджаках, сигнализирующих о наличии заботливого спутника. По крайней мере на этот вечер. И ночь, если спутнику повезет.

Возвращаться в бар не хотелось. Антон перевел Сане деньги через мобильный банкинг с пометкой «Домой пойду. Неважно себя чувствую», еще раз вдохнул сигаретный дым и пошел в сторону дома.

В Алматы – три стороны света: верх, низ и дом. Верх города – это горы. Словно рисованные остро наточенные зубы, хранящие «во рту» стремительно разрастающийся город. Он наступает высотками на самое подножье – подзубье, пытаясь подпихнуть природу, указать её место в мире людей. А низ – это торжество бытовухи. Барахолки, рынки, старые халупы, покрытые, как черная невеста, саваном выхлопных газов. Сверху видно, как тонет в смоге низ. И где-то среди этого великолепия – дом. Чей-то дом. Почему-то считается, чем ты выше, тем ты дороже. А по сути – чем ты выше, тем быстрее тебя завалит камнями, если сойдет сель.

Но люди в Алматы – бессмертные.

Антон проводил взглядом девушку с ребенком, перебегающих дорогу за пару метров до пешеходного перехода, и вздрогнул от продолжительного автомобильного сигнала. Пиу! – утихающий вопль железного коня, за рулем которого сидит далеко не обладатель железных яиц. Он боится таких пешеходов. Они – его кара за покупку авто. Его испытание за ставку на комфорт и скорость.

Антон недоумевал: людей должен останавливать ежедневный шквал

новостей о погибших на дороге «сайгаках». Их так называли за желание сократить путь и за отсутствие, по всей видимости, мозгов.

«Макеты людей, – подумал Антон. – А если это действительно так?»

Все люди – просто макеты, оставившие свои души дома – в тепле – у холодильника с кастрюлей рассольника, у телевизора с передачей о здоровье, на протертом кресле с неизменной накидкой – дивандеком. Кто-то вообще знает или помнит, что эти кресельные ковры так называются? Макеты аккуратности, прикрывающие подавленную продавленность.

Эти души там сидят, а макеты, прикрывающие их нутро, бегают по городу, теряя оболочки то на дорогах, то в горах, то в кабаках, то в уличных потасовках. И сами улицы – макеты. И город тоже. Один большой макет, уже давно выдохнувший из себя всяческую жизнь.

– В горы надо съездить, – теперь уже вслух подумал Антон.

Антон не очень любил поездки в горы, особенно зимой и осенью, но стеснялся об этом говорить вслух. О горах либо хорошо, либо ничего. Просто увиливать от приглашений, наблюдая, как макеты друзей бодро спрятавшись за экипировкой, спускаются на огромной скорости по лыжне, или с широкими улыбками, со съехавшими набок шапками, поднимают кверху палочки с нанизанным мясом. А потом торчат этими улыбками в социальных сетях.

Как бы улыбаются и говорят – ты не живешь полной жизнью! Не наслаждаешься ею. Не ценишь того, что живешь в самом активном городе Казахстана.

А Антон жил полной жизнью. Вот правда. Любил свою работу, родителей, квартира которых находилась в самом низу города. Жену любил, которая ушла – к какому-то уроду, наверняка макету. Но она обязательно вернется, поиграет в любовь и вернется. Детей своих любил, и вообще всех детей любил. У Антона два крутых пацана – они современные, не то что Антон и его поколение. Дети уже другие, хваткие, ироничные, честные. Они верят, что все возможно и что им всё по плечу. Они – пока не макеты. Они еще не изношенные.

Пока. Потом их обязательно оценят, выставят срок годности и пропишут правила по эксплуатации.

Вот бы избежать Антоновским пацанам этой участи.

Калейдоскоп мыслей привел Антона к дому бывшей жены. Он остановился, поднял голову вверх, на окна двенадцатого этажа. На кухне горел свет. Бывшая, как обычно, перед сном смотрела сериал и мыла посуду, скопившуюся за день. Антон всегда злился, что в доме никто, кроме него, не моет посуду сразу после еды. Тогда бы она не копилась в раковине.

– Она же сохнет! Пахнет! Потом её трудно мыть! – переживал Антон и, чуть повысив голос, обращался к жене.

– Ну я же мою, а не ты. Чего орешь?

– Да я не ору, – Антон сразу как-то обмяк от несправедливого обвинения и выходил из кухни.

Выходил в зал, где каждая поверхность была завалена – одеждой, игрушками, бумагой, котом. Куда ни глянь, везде этот чертов кот лежит. Как будто он не один, а их десятки, сотни. Антон не любил животных в доме, но детям «надо», потому что иначе они вырастают засранцами и вообще бесчеловечными.

Шея затекла, и Антон с сожалением перевел взгляд на кота у приподъездной лавки. Как будто ненастоящий, сидел, глаза прикрыл, не двигался. Грязный, наверное, белый в прошлой счастливой жизни, которой у него и не было, скорее всего.

Антон похлопал себя по карманам – как будто это могло бы чудесным образом помочь найти что-нибудь съестное.

– Идем, – преодолев брезгливость, он взял кота двумя руками и прижал к груди, чтобы чуть согреть.

Вышел со двора, медленно пошел к дому, который располагался там же, буквально в трех шагах – в однатысячашестисотдвадцатишагах – от дома бывшей.

Осенняя темнота уже четко заявила о себе и разогнала людей по углам. На улице никого не было, только по дорогам туда-сюда сновали автомобили. Они развозили чьих-то друзей по квартирам, довозили чьих-то женщин до чужих жизней, они просто катались, стараясь впитать романтику ночного города. Вроде как фонари, аптеки, безлюдные улицы.

Да ну, скукота. Вот у Антона – настоящая жизнь. Честная.

Сейчас он еще кота накормит и спать ляжет. Поможет, наверное, еще. Или коты сами? В общем, надо дойти, а там что-нибудь придумает.

Антон посмотрел по сторонам – сначала налево, потом направо – и побежал, не дойдя до пешеходного перехода буквально пару метров.

Бессмертный город, полный макетов людей.

«Но я настоящий. Настоящий!» – подумал Антон под протяжный вопль автомобильного сигнала.

Грязный кот тихонько юркнул в придорожный куст.

Об авторе: ВАЛЕРИЯ КРУТОВА

Валерия Крутова (Валерия Макеева) – родилась в 1988 году. Получила юридическое образование. Участник 18-го и 19-го форумов молодых писателей Фонда СЭИП. Публиковалась в журналах «Дружба народов» (2019, 2020), «Юность» (2020, 2021), в онлайн-журналах «Формаслов» (2020, 2021), «Литература» (2020, 2021), «Дактиль» (2019). Neкаýalar